

СТИВЕН КОТКИН

ПРЕДОТВРАЩЕННЫЙ АРМАГЕДДОН

библиотека
журнала

Распад Советского Союза,
1970–2000

АНТРОПОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИЯ

неприкосновенный
запас

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Стивен Коткин

**Предотвращенный
Армагеддон. Распад
Советского Союза, 1970–2000**

«НЛО»

2008

УДК 94(47+57)"197/2000"
ББК 63.3(2)63

Коткин С.

Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000 / С. Коткин — «НЛО», 2008 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1049-1

Книга профессора Принстонского университета Стивена Коткина посвящена последним двум десятилетиям Советского Союза и первому десятилетию постсоветской России. Сконцентрировав внимание на политических элитах этих государств и на структурных трансформациях, вызвавших распад одного из них и возникновение другого, автор обращается к нескольким сюжетам. К возглавленному Горбачевым партийному поколению, сложившемуся под глубоким влиянием социалистического идеализма. К ожиданиям 285 миллионов людей, живших в пространстве реального социализма. К плановой экономике и типичному для нее институту – огромному, неэффективному и неповоротливому заводу. Поскольку движение истории не обходится без случайностей и непредвиденных обстоятельств, книга рассказывает о конкретных попытках придерживаться того или иного политического курса, а также о неожиданных результатах таких попыток. Поскольку распад советской системы и противоречия 1990-х невозможно понять вне контекста перемен, произошедших в мире после Второй мировой войны, этот рассказ носит одновременно исторический и геополитический характер.

УДК 94(47+57)"197/2000"

ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-4448-1049-1

© Коткин С., 2008

© НЛО, 2008

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1. Жестокие шутки истории	13
Нефтяной дождь и институциональный застой	16
Великий поворот XX века	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Стивен Коткин

Предотвращенный Армагеддон

Распад Советского Союза, 1970–2000

Stephen Kotkin

Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000

Перевод сделан по дополненному изданию 2008 года Oxford University Press

© Stephen Kotkin, 2018

© Г. Дерлугьян, предисловие, 2018

© И. Христофоров, пер. с английского, 2018

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

Памяти моего прадеда Михаила Королевича (Michael Korolewicz) (1889–1969), который был школьным учителем в царской Польше, а в Америке создал свое дело, занявшись золочением, серебрением и хромированием металлов. Он брал меня в парк (поначалу – еще в детской коляске) и говорил со мной – об истории.

Предисловие

Мое знакомство с советским блоком произошло летом 1983 года. Как аспирант, занимающийся историей Габсбургской монархии, я приехал из северной Калифорнии в Прагу, полный желания усовершенствоваться в языке и проникнуться духом давно исчезнувшей империи. Но едва оказавшись в древней столице Богемии, я стал свидетелем массового шествия – «социалистического марша мира». С удивлением я обнаружил, что из громкоговорителей гремит знакомый голос, и протолкался в первые ряды толпы. Конечно, это был он: тогдашний мэр моего университетского города Беркли, социалист.

Существовавший в странах советского блока социализм, как оказалось, не имел ничего общего с теми представлениями о нем, какие я получил в Америке. Он не был ни железной диктатурой в изолированном и живущем по своим правилам мире, ни малоинтересной разновидностью западной системы, неуклонно стремящейся к слиянию с ней. Выяснилось, что этот мир непохож на Запад и в то же время пронизан все более заметным западным влиянием. Жесткость его правил и структур компенсировалась тем, что их постоянно игнорировали и обходили. Он был преисполнен неизбывным недовольством и одновременно – всепроникающим конформизмом, а относительно бедная материальная культура сочеталась в нем с необычайно притягательной культурой общения. Я принял решение, что по возвращении в Калифорнийский университет начну учить русский и переключусь на изучение другой империи.

То были времена польской «Солидарности» с ее подпольными «летучими университетами», которые были провозглашены на Западе симптомом триумфа гражданского общества. Правда, один из моих профессоров, знаменитый француз, убедил меня, что к самому понятию «гражданское общество», которое он именовал не иначе как «новой идеологией класса интеллектуалов», стоит относиться с большой осторожностью. Другой профессор, специалист по французской истории, говорил мне, что гражданское общество не может существовать без частной собственности. Два блестящих профессора-русиста помогли мне освоиться с реалиями страны, о которой я мало что знал. Так что когда в Советском Союзе (где, как известно, частной собственности не было) неожиданно разразилась перестройка, я благополучно избежал того, что стало у американских интеллектуалов наиболее типичной (и ошибочной) версией происходившего в СССР, а затем и в России. Вместо попыток найти в этой стране то, чего в ней не было, я пытался понять характер ее государственных институтов и особенности мышления.

Моя первая поездка в Советский Союз пришлось на лето 1984 года – период правления Черненко. Я стал участником программы по изучению русского языка в Ленинграде и, кроме того, посетил Украину, в том числе город, где в 1944 году прошла встреча «Большой тройки», на которой решалась судьба Европы. В Ялте я заболел и вынужден был прервать поездку. На протяжении последовавших за этим первым набегом лет я много раз (порой подолгу) бывал в советском и постсоветском мире, занимаясь исследованиями или просто знакомясь с каждой из союзных республик (за исключением Туркменистана), с большинством стран Восточной Европы, а также с пограничными Китаем и Японией. Большую часть эпохи советских, а затем российских «реформ» я провел, работая над двухтомной историей Магнитогорска – советского «города стали». Эта работа была написана в духе того направления, которое французы называли «тотальной историей»¹. Трудно было бы найти более удачную позицию для наблюдения, чем этот центр тяжелой индустрии, чтобы убедиться как в очевидном провале реформ, так и в том, что провал этот в ближайшем будущем преодолеть не удастся.

¹ См.: *Kotkin S. Steeltown, USSR: Soviet Society in the Gorbachev Era. Berkeley, 1991; Idem. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.*

Задолго до 1991 года я пришел к выводу, что тогдашние советские «консерваторы» правы: горбачевская перестройка разрушит (пусть непреднамеренно) социализм и сам Советский Союз. Желая быть услышанным, я вышел на второго человека в советской иерархии, Егора Лигачева, и был приглашен в его кабинет в здание ЦК на Старой площади. Было что-то сюрреалистическое в том, чтобы оказаться в этом центре власти и политических интриг, так хорошо знакомых мне по книгам и документам. Помимо стремления увидеть своими глазами святая святых советской системы, мною двигало желание разобраться, почему ни сам Лигачев, ни кто-либо еще из руководства страны не пытается сместить Горбачева и остановить реформы. Наша беседа стала первой из целой серии продолжительных встреч, большинство из которых проходило в закрытом дачном поселке для высших советских руководителей. Со многими из них я тоже смог пообщаться. Распад царил и здесь.

Никогда не забуду, как потом я водил Лигачева по Нью-Йорку, часами показывая ему бесконечный мир крохотных предприятий, иммигрантских лавочек и кафе и объясняя их роль, и как он периодически задавал мне вопрос, кто же в правительстве отвечает за продовольственное снабжение такого огромного города. Принципиальный и немного наивный, Лигачев вызывал искреннее уважение, как вызывал его и более искушенный, но не менее принципиальный Горбачев. Пришедшие им на смену люди, лишенные их моральных достоинств, вступили в жестокую борьбу за трофеи, оставшиеся после краха коммунистической системы: кабинеты, государственные дачи, недвижимость. Наблюдая за происходящим вблизи, я начал осознавать, что лучший способ понять российскую политику – не обращать большого внимания на грандиозные программы «реформ», которые неизменно и быстро одна за другой отправлялись на пыльные архивные полки, а вместо этого внимательно следить за перемещениями крупной собственности.

Еще перед 1991 годом я заинтересовался некогда всемогущими Госпланом и Госснабом, отвечавшими за планирование экономического развития одной шестой части мировой суши. После 1991-го я вернулся туда, чтобы обнаружить в кабинетах новых (и прежних или перетасованных) обитателей. В годы перестроечного хаоса я смог без труда проникнуть в ЦК партии в союзных республиках и во многие обкомы. Потом в украшенных новыми табличками зданиях я находил своих прежних знакомых (как правило, на более высоких должностях); впрочем, немало прежних функционеров оказалось за бортом, а многие региональные деятели продолжили карьеру в столицах. Так выяснилось, что подобно тому, как социальные и групповые интересы (будь то на крупных заводах или в среде бюрократии) объясняют пределы возможного при реализации любой программы реформ, типичные для общества модели общения и взаимодействия помогают вникнуть во внутреннюю динамику власти.

К 1990-м годам многие друзья, которые появились у меня во время стажировки в МГУ в 1980-е, оказались в Кремле или в правительстве, и возможность общаться с ними на разных этапах их жизненного пути была очень полезной и поучительной. В 2000–2001 годах я получил неоценимый шанс осуществить восьмимесячное исследование в рамках неправительственной инициативы под названием «Проект гражданского образования». Одной из моих задач как консультанта Института «Открытое общество» было интервьюирование множества администраторов, сотен преподавателей и тысяч студентов различных университетов в 15 странах, от Венгрии до Казахстана и от Эстонии до Азербайджана. За редкими исключениями, эти интервью создавали весьма мрачную картину мира, который и спустя десятилетие после крушения советской системы продолжал переживать глубокую политическую и экономическую деградацию. При этом повсюду студенты оказались удивительно талантливыми и чуткими к новым возможностям для получения знаний.

Введение

Обозревая историю международных отношений современной эпохи, началом которой можно считать середину XVII века, а концом – наше время, я едва ли могу обнаружить в ней событие более поразительное, загадочное и на первый взгляд более необъяснимое, чем внезапный и полный распад и исчезновение с исторической сцены... великой державы, называвшейся сначала Российской империей, а затем – Советским Союзом.

Джордж Ф. Кеннан (1995)

Проблемы, решить которые пытаются советские руководители, просто не имеют решения... Однако советские руководители не собираются совершать политического самоубийства.

Владимир Буковский (1989)

Почти все считают, что распад Советского Союза начался еще до 1985 года. Это заблуждение. Большинство также полагает, что он закончился в 1991-м. Опять неправильно. Обе ошибки становятся очевидными, если рассмотреть период с 1970 по 2000 год как неразрывное целое, проследив судьбу советских экономических и политических институтов до и после 1991 года. Не менее важно при этом сочетать взгляд из недр советской системы с трезвой оценкой более широкого глобального контекста. Забудьте о клише, доминирующих при описании пост-советской России: «неолиберальных реформах» и «западной помощи», не говоря уже о «возникновении гражданского общества» в поздний советский период. То, что произошло в Советском Союзе, а потом продолжилось в России, поначалу было внезапным приступом, а затем – неизбежным продолжением смертельной болезни, которая поразила целый мир, построенный на сочетании нерыночной экономики и антилиберальных политических институтов.

Величественный крах Второго мира перед лицом более мощного Первого, имевшего в своем распоряжении и рынок, и либеральные институты, был спровоцирован не гонкой вооружений, а коммунистической идеологией. И КГБ, и (менее внятно) ЦРУ сообщали в своих секретных сводках, что с 1970-х годов Советский Союз находится в состоянии глубокого кризиса. Однако хотя советский социализм явно проиграл соперничество с Западом, он обладал некоей летаргической стабильностью и мог бы продолжать по инерции существовать довольно долго. Или же он мог бы прибегнуть к оборонительной стратегии в духе *Realpolitik*. Для этого нужно было ограничить свои великодержавные амбиции, узаконить рыночную экономику и таким образом восстановить свою экономическую мощь и сохранить при этом с помощью политических репрессий авторитет центральной власти. Вместо всего этого Советский Союз пустился в романтические искания, пытаясь осуществить мечту о «социализме с человеческим лицом».

Это гуманистическое видение реформ возникло в послесталинское время, в эпоху Н. С. Хрущева и наложило свою печать на целое поколение – поколение Горбачева, сожалевшее о подавлении «пражской весны» в 1968-м и пришедшее к власти в 1985 году. Те, кто принадлежал к этому поколению, верили, что плановую экономику можно серьезно реформировать без введения частной собственности и рыночного ценообразования. Они верили, что ослабление цензуры укрепит приверженность населения страны социализму. Они верили, что Коммунистическую партию можно демократизировать. Они ошибались. Перестройка непреднамеренно уничтожила плановую экономику, приверженность людей социализму, а в конце концов – и саму партию. Нанесенный же партии удар дестабилизировал Союз, который скреплялся только ею.

То обстоятельство, что в центре виртуозной, хотя и неумышленной ликвидации советской системы оказался человек, стоявший на вершине власти, – генеральный секретарь Коммунистической партии, искренне преданный ее идеалам, – лишь способствовало драме, которую немногие тогда воспринимали так, как она того заслуживала. Когда в конце 1989 года толпы немцев бросились разрушать Берлинскую стену, а Восточной Европе было позволено выскользнуть из крепкой советской хватки, потрясенные аналитики (в том числе и я сам) начали задумываться, не последуют ли за бывшими странами Варшавского договора остатки Кремлевской империи – союзные республики. То, что произошло затем, в 1990–1991 годах, сделало драму еще более глубокой. Советская система, хотя и дестабилизированная романтическим идеализмом, по-прежнему располагала самым мощным в истории военным потенциалом и репрессивным аппаратом. СССР имел более чем достаточно ядерных зарядов, чтобы уничтожить или шантажировать весь мир, не говоря уже об огромных запасах химического и бактериологического оружия. Он располагал более чем 5 миллионами солдат, размещенных на пространстве от Будапешта до Владивостока, и еще сотнями тысяч военнослужащих КГБ и внутренних войск. Все эти силы почти беспрекословно подчинялись командованию. Но они так и не были использованы – ни для спасения распадающейся империи, ни даже для того, чтобы дать волю разрушительному чувству мести.

Да, распад СССР сопровождался почти десятком гражданских войн: в Чечне, Карабахе, Ингушетии, Осетии, Абхазии, Аджарии, Молдавии (еще одна злонамеренная затея Сталина) и Таджикистане. Эти конфликты привели к гибели многих тысяч людей, появлению миллионов беженцев и возникновению некоторого количества не признанных международным сообществом квазигосударств, которые де-факто раскололи часть из 15 независимых теперь бывших советских республик. Даже у избежавшей гражданской войны Украины на ее крайнем западе была маленькая самопровозглашенная «республика» – Подкарпатская Русь. Нельзя забывать и о том, что русское население Украины, насчитывавшее более чем 11 миллионов человек (20 % населения этой страны), составляло самое большое в Европе национальное меньшинство. Еще 5 миллионов русских жило в Казахстане (составляя около 33 % его населения). Вообще же, если учесть, что 71 миллион бывших граждан СССР (то есть каждый четвертый) внезапно оказались за пределами своих номинальных национальных отечеств (если применительно к ним вообще можно говорить о национальном отечестве), и вспомнить о жутком примере катастрофического распада гораздо меньшей по размерам Югославии, можно лишь содрогнуться при мысли о том, какими войнами, точнее – каким ядерным, химическим или биологическим Армагеддоном мог бы сопровождаться распад Советского Союза.

Кто мог предположить, что СССР безропотно самораспустится? Немногие аналитики, действительно осознававшие серьезность проблем, с которыми пришлось столкнуться этой стране, и масштаб структурных преград, мешавших решению этих проблем, могли представить себе, что такое огромное полицейское государство спокойно, безо всякого сопротивления исчезнет. Из 20 миллионов членов КПСС 2–3 миллиона составляли партийную элиту – грозный стеновой хребет системы, пронизывавший не только партийный аппарат, но и государственную бюрократию, армию и КГБ. И даже соглашаясь, что многие из них уже не способны были воспринимать официальную идеологию без цинизма, аналитики по-прежнему сходились во мнении: эти люди должны были не допустить ниспровержения системы просто для того, чтобы защитить свои личные интересы. Так что несмотря на обилие попыток установить причину гибели тяжелобольного – Советского Союза, главная загадка остается неразгаданной: почему многочисленная советская элита, располагавшая вооруженными до зубов и верными власти внутренними войсками, несмотря на все свое могущество, оказалась не в состоянии защитить ни социализм, ни Союз?

Эта загадка выглядит еще менее разрешимой, если учесть, что когда опасность распада страны уже была видна всему миру, решающий удар по расшатанному зданию нанесли именно

люди, принадлежавшие к самой привилегированной части ее элиты. Возможно ли, чтобы элита великой державы допустила крах, а в конце концов и способствовала развалу собственной страны, причем без иностранной оккупации, неповиновения военного и полицейского аппарата, даже без серьезного гражданского сопротивления? Оказывается, возможно. Одна из основных задач этой небольшой книги – объяснить, как и почему советская элита разрушила собственную систему. При этом важно понять не только поразительный распад этой системы, но и то, почему он не сопровождался вселенским взрывом.

Теперь, когда Советский Союз исчез, выяснилось (для тех, кто не знал этого раньше), что он был чем-то большим, чем диктатура и милитаристский монстр. Он был еще и всеобъемлющим экспериментом по созданию некапиталистического современного общества, иначе говоря – общества социалистического, а также странной реинкарнацией царской империи, трансформировавшейся в квазифедерацию республик. Самой большой из них была Россия. Продукт советской действительности, Россия унаследовала от Советского Союза все, что стало причиной его распада, равно как и само состояние распада. В 1990-е годы распад все еще назывался «реформами» (на этот раз – «радикальными»). При этом публичные баталии сторонников и противников реформ сопровождались одновременно и продолжением распада, и тектоническими процессами институциональных трансформаций. Еще одна – и очень важная – цель этой книги: объяснить значение советского наследия для современной России.

Не говоря уже о множестве государственных учреждений, в целом сохранившихся с советских времен (таких, как Государственная прокуратура и КГБ), и во вновь созданных органах нетрудно было обнаружить пережитки институтов советской эпохи, от аппарата ЦК КПСС (в Администрации президента) до Госплана (в Министерстве экономического развития). Комплексы зданий, в которых располагались советские учреждения, по-прежнему выполняли свое назначение, а порой и разрастались, чтобы вместить и старых, и новых чиновников. «Новые» люди, конечно, появились не с Марса, а из элитных советских вузов или из комсомола: это были те представители второго и третьего эшелонов власти, кто сумел быстро сориентироваться в хаосе распада и являл собой причудливую смесь старого и нового. Более того, на месте оставалась и вся нерыночная советская экономика – растянувшиеся на 10 часовых поясов залежи архаичного оборудования, разваливающаяся инфраструктура, продолжающие составлять основу для выживания местных сообществ с их социальными проблемами и электоральными предпочтениями. Это именно те политические и экономические структуры, которые с 1970-х годов провоцировали все более заметное отставание СССР от Запада. Из них была построена и новая Россия, отставшая от него еще больше.

Мысль о том, что распад внезапно закончился в декабре 1991 года и что к власти в России пришла горстка новых «демократов» и «радикальных реформаторов», была несостоятельной. Однако следование ей оказалось для большинства западных аналитиков непреодолимым искушением, независимо от того, аплодировали ли они российскому «переходу к демократии и рынку» или освистывали его. При этом они обращали внимание не на состояние общества и экономики, не на функционирование государственных органов, а лишь на торжественные декларации о намерениях и на потоки президентских указов, большинство из которых оставались невыполненными. В США в то же самое время комментаторы наперебой высмеивали план Билла Клинтона по реформированию национальной системы медицинского страхования. Как! Он думает перестроить одну седьмую часть экономики США вопреки мощному противодействию огромного количества могущественных лоббистских групп? Однако многие из тех же самых людей уверяли, что способность России перестроить всю свою экономику и социальную систему – семь седьмых! – это лишь вопрос «политической воли реформаторов» или даже одного-единственного человека. Технократические «реформы», только не в своей, а в какой-нибудь *другой* стране – сама мысль об этом завораживала экспертов и ученых мужей. Но дайте любой стране примерно 15 тысяч заводов (причем две трети которых нежизнеспособны в

рыночных условиях) да еще несколько миллионов криминализированных госслужащих, уполномоченных действовать от имени государства, и давайте посмотрим, как быстро такая страна совершит «переход» в благоденствие.

Вполне предсказуемо, что ожидания быстрого и радикального преобразования сменились глубоким разочарованием и столь же широко распространенным и абсолютно необоснованным представлением о России как об уникальном примере катастрофы, вызванной неудачными действиями реформаторов. Однако примерно к 2000 году безостановочный распад советской системы наконец был остановлен. Да, Россия была хаосом, но хаосом стабильным и полностью списанным Западом со счетов; она в конце концов начала нащупывать путь к институциональным реформам, которые, как все ошибочно полагали, были проведены в 1990-е годы.

Слишком часто Россию судили более строго, чем другие бывшие советские республики (или, напротив, так, как будто этих других республик не существовало). И это несмотря на то, что по большинству политических и экономических показателей она превосходит остальные части бывшего СССР за исключением крохотной Эстонии. Запутавшаяся в попытках утвердить рыночную экономику и нечто вроде особого варианта современного государственного устройства, Россия усвоила многие пороки другой очень большой страны, являвшейся ее главным противником: дисбаланс доходов, неуважение к общественным интересам, массовое уклонение корпораций от уплаты налогов, широкое применение политического давления в сфере бизнеса, гиперкоммерциализацию СМИ, накачивание деньгами электорального процесса и демагогию.

Эта книга – обзор последних двух десятилетий существования Советского Союза и первого десятилетия постсоветской России – структурирована отчасти хронологически, а отчасти аналитически. В ней не пойдет речь ни о предполагаемых культурных особенностях и недостатках менталитета жителей СССР и России, ни о воображаемых нациях и национализме, ни о зловредных олигархах, ни о западном влиянии, значение которого (и пагубное, и благотворное) непомерно раздуто. Сконцентрировав свое внимание прежде всего на элитах и на структурных трансформациях, я обращаюсь к иным сюжетам: к возглавленному Горбачевым поколению партийных деятелей, сложившемуся под сильным влиянием социалистического идеализма и вышедшему на первый план, когда предыдущее поколение партийного руководства ушло в мир иной; к мировоззрению и ожиданиям 285 миллионов людей, живших в идеологическом пространстве социализма; к плановой экономике и типичному для нее институту – огромному, прожорливому, неэффективному и неповоротливому заводу; и особенно – к институциональной динамике советского и российского государств. Поскольку истории не бывает без случайностей и непредвиденных обстоятельств, я буду рассказывать и о конкретных попытках сформулировать и осуществить тот или иной политический курс, а также о неожиданных результатах таких попыток. Наконец, распад советской системы и первое противоречивое десятилетие существования России, конечно, невозможно понять, если не воспринимать их в контексте глубоких перемен, произошедших в мире после Второй мировой войны. Таким образом, мой анализ будет как историческим, так и геополитическим.

Глава 1. Жестокие шутки истории

А потом появился Леонид Ильич...

Жили мы как в сказке: потихоньку воровали, потихоньку пили.

[голос: «Не потихоньку»]. Пусть так.

Ион Друцэ, молдавский писатель

Заккрытие заводов стало угнетающе обычным явлением современной индустриальной реальности... Миллионы людей... прямо или косвенно испытывают влияние этого явления на собственную жизнь, жизнь своих друзей, родственников или близких

Тони Диксон и Дэвид Джадж о капиталистическом мире в эпоху Брежнева

В 1970–1973 годах мировые цены на нефть стабильно росли. Закончился почти 20-летний период, на протяжении которого предложение опережало спрос. Кроме того, истощились разведанные запасы нефти, а это означало, что даже незначительное сокращение ее добычи приведет к резкому взлету цен. Когда в октябре 1973 года внезапно началась четвертая по счету арабо-израильская война, арабские государства, в том числе Саудовская Аравия (до того достаточно пассивная), объявили о решении применить «нефтяное оружие». Сейчас мы привыкли к таким угрозам, которые уже не способны кого-либо сильно напугать. В тот раз, однако, арабы свою угрозу осуществили. И хотя ближневосточная война закончилась так же внезапно, как и началась, в связи с тем, что Египет в конце октября согласился прекратить огонь, скоординированное сокращение поставок нефти уже произошло и его последствия начали жить своей жизнью. Загадочный жаргон нефтяного бизнеса – «дифференциал», «накопление запасов» – теперь можно было услышать в курилках, коридорах и на правительственных совещаниях в Белом доме². Пиар-агентства запускали в СМИ истории, в которых объяснялось, что нефтяные гиганты в происходящем вовсе не виноваты. Правительство и бизнес с запозданием инициировали кампании за экономию электроэнергии, хотя еще накануне потребителей побуждали не мелочиться. Но, пожалуй, наиболее курьезным моментом «нефтяного шока» был целый поток призывов переключить Америку с энергоемкого производства на то, что называлось тогда производством «наукоемким» (*knowledge-intensive*) – как будто экономика США регулировалась не рынком, а Госпланом!

В 1973 году цены на нефть всего за несколько месяцев взлетели на 400 %, и автомобильной промышленности, производившей вызывающе огромные и прожорливые машины, был нанесен сокрушительный удар. Сильно пострадали связанные с ней отрасли производства, прежде всего сталелитейная и металлообрабатывающая промышленность. Конечно, и до 1973 года многие энергоемкие гиганты тяжелой промышленности были не слишком конкурентоспособны. Но для тех из них, кто с грехом пополам свои проблемы решал, нефтяной кризис означал неизбежный час расплаты. За 1973–1975 годы ВВП США упал на 6 %, а безработица подскочила в два раза, до 9 %. Западная Европа, гораздо сильнее зависевшая от нефти из Персидского залива, соответственно и пострадала еще больше. ВВП Японии – страны, возможно наиболее зависимой от ближневосточной нефти, – упал впервые за послевоенный период. Но кроме стремительного экономического спада, нефтяной кризис имел и долговременные последствия. Вся основанная на ископаемом топливе индустриальная экономика, которая выросла во второй половине XIX века, а в первой половине XX встала на рельсы массового производства, казалось, стремительно приближается к гибели.

² Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. N. Y., 1991. P. 588–673.

В Англии 1970-х годов Шеффилд и окружающая его промышленная зона потеряли более чем 150 тысяч рабочих мест только в сталелитейной индустрии; еще большие потери были в машиностроении; в результате крупнейшим работодателем Шеффилда стал городской совет³. Тогда же «мастерская Германии» – Рурская область со множеством ее сталелитейных заводов – лишилась 100 тысяч рабочих мест. В Пенсильвании – штате, пользовавшемся славой «Американского Рура», «черная пятница» (30 сентября 1977 года) нанесла смертельный удар по промышленности города Вифлеем, на заводах которого в свое время была сделана сталь, пошедшая на мост Джорджа Вашингтона между Манхэттеном и Нью-Джерси, мост «Золотые ворота» в Сан-Франциско, Национальную галерею искусства в Вашингтоне и на множество шахт для межконтинентальных баллистических ракет. В результате кризиса был разорен главный промышленный регион США – 8 штатов района Великих озер (Пенсильвания, Огайо, Мичиган, Иллинойс, Индиана, Висконсин, Миннесота, Нью-Йорк).

В 1970-е годы в США закрылось более тысячи заводов⁴. Аналитики с отчаянием писали: «Мы наблюдаем закат промышленной Америки, банкротство или упадок некогда могучих индустриальных предприятий»⁵. Другие, более точные комментаторы отмечали, что это не конец промышленности вообще, а болезненный переход к тому, что получило название «гибкого автоматизированного производства» (*flexible manufacturing*)⁶. И хотя в середине 1980-х годов индустрия Среднего Запада вновь начала расти, занятость уже никогда не достигала здесь прежнего уровня. В итоге даже главный стальной монстр – US Steel – сумела выкарабкаться из кризиса, чего не скажешь о местных жителях, работавших на предприятиях этой компании. «Завод в Гэри⁷ являет собой один из самых впечатляющих примеров выхода из кризиса в истории американской промышленности», – говорил в 1988 году один из аналитиков. Однако после инвестирования в реструктуризацию 2,9 миллиарда долларов в течение семи лет заводской комплекс, на котором некогда работала 21 тысяча человек, обходился всего семью с половиной тысячами рабочих. «Это история большого успеха для компании и крайне болезненный процесс для нас», – жаловался тому же репортеру мэр города Гэри⁸.

Этот кризис оставил неизгладимый след в культуре и народном сознании. Сатирический британский фильм «The Full Monty» (1997)⁹ ретроспективно повествует о компании потерявших работу сталеваров, создавших в качестве способа выживания собственный мужской стриптиз и рекрутирующих «артистов» прямо в очереди безработных на бирже труда. Действие фильма происходит в Шеффилде, а открывается он кадрами из снятого местными энтузиастами старого кино, прославляющего Шеффилд как «город на подъеме, сокровище в короне Йоркшира». Теперь его безработные жители вынуждены демонстрировать свои сокровища, чтобы свести концы с концами. Саундтрек фильма удачно эксплуатирует стиль диско,

³ Tweedle G. Steel City: Entrepreneurship, Strategy, and Technology in Sheffield, 1743–1993. Oxford, 1995. P. 1–7.

⁴ Компании сокращали количество рабочих на конвейерах в гораздо больших масштабах, чем более высокооплачиваемых менеджеров. См.: Gordon D. M. Fat and Mean: The Corporate Squeezing of America and the Myth of Managerial «Downsizing». N. Y., 1996.

⁵ Buss T. F., Redburn F. S. Shutdown at Youngstown: Public Policy for Mass Unemployment. Albany, 1983. P. 4. См. также: Strohmeier J. Crisis in Bethlehem: Big Steel's Struggle to Survive. Bethesda, 1986. P. 11–14; Bluestone B., Harrison B. The Deindustrialization of America. N. Y., 1982; Rodwin L., Sazanami H. (eds.). Deindustrialization and Regional Economic Transformation: The Experience of the United States. Boston, 1989.

⁶ Piore M. J., Sabel Ch.F. The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. N. Y., 1984; Cooke Ph. (ed.). The Rise of the Rustbelt. London, 1995.

⁷ Одно из крупнейших предприятий компании US Steel в городе Гэри (Gary), штат Индиана. – Прим. перев.

⁸ Цит. по: Schmidt W. E. A Steel City Still Needs Help Despite Big Steel's Comeback // New York Times. 1989. 4 September. Другой флагман US Steel (теперь – USX), завод в Хомстеде (недалеко от Питсбурга, штат Пенсильвания) насчитывал 20 000 работников в 1945 году, 9000 – в 1970-х, 3500 – в начале 1980-х и 23 – в день его закрытия в июле 1986 года. Непосредственно после окончания Второй мировой войны около 40 % всех работавших в США зарабатывали на жизнь благодаря (прямо или косвенно) сталелитейной и металлообрабатывающей промышленности.

⁹ В российском прокате – «Мужской стриптиз». – Прим. перев.

как когда-то другое, классическое произведение «индустриального кино» – фильм о пролетарии – «танцоре диско», «Saturday Night Fever» (1979), подтолкнувший «дискотеку» депрессивной эпохи конца 1970-х знаменитой песней «Stayin' Alive» – гимном «надежде несмотря ни на что»¹⁰. Отчаянные времена принесли с собой отчаянные стратегии выживания. В Джонстауне, штат Пенсильвания, «возле покинутых сталепрокатных заводов стоят экскурсионные автобусы», – рассказывал читателям репортер «New York Times Magazine» в 1996 году. По его словам, Джонстаун «является провозвестником будущего, когда экономику будет подпитывать амбициозный и, по-видимому, донкихотский эксперимент, именуемый “туризмом наследия”», который «продает безрадостные рассказы о несчастливых местах и представляет собой быстрорастущую отрасль бизнеса»¹¹.

Вскоре индустриальный пейзаж Запада действительно был испещрен подобными памятниками невзгодам. Однако скачок цен на нефть в 1970-е выявил и более серьезные тенденции. Генри Киссинджер, государственный секретарь при президенте Ричарде Никсоне, позже писал, что провозглашенное арабами эмбарго «безвозвратно изменило тот мир, который сложился после Второй мировой войны»¹². Киссинджер имел в виду геополитический баланс сил и то центральное положение, которое заняла в нем мировая экономика, что заметно усложнило дипломатию. Тогда же так называемая стагфляция – высокий уровень безработицы (стагнация) в сочетании с инфляцией – поставила в тупик ведущих американских экономистов, а Уотергейтский скандал парализовал и обесчестил Вашингтон. Вспомним к тому же, что в 1975 году под контролем коммунистов оказались Сайгон и весь Южный Вьетнам. Учитывая болезненную перестройку, которую переживала большая часть американской промышленности, казалось, что США находятся на грани катастрофы, а не триумфальной победы в холодной войне.

¹⁰ Фильм, сделавший знаменитым Джона Траволту. Саундтрек, в том числе хит «Stayin' Alive», был записан группой Bee Gees. В России фильм известен под названием «Лихорадка субботним вечером». – *Прим. перев.*

¹¹ Brant J. Unemployment: The Theme Park // New York Times Magazine. 1996. 28 January. О подобном проекте превращения коксовой печи в музей в Германии см.: Cowell A. Old German Steel Plant Becoming a Tourist Site // New York Times. 1995. 17 December. Первоначально в Джонстауне планировалось создать полномасштабный национальный парк с отреставрированными пабами и жилыми домами, которые демонстрировали бы, как жили рабочие. Но эти планы так и не были осуществлены.

¹² Kissinger H. Years of Upheaval. Boston, 1982. P. 854.

Нефтяной дождь и институциональный застой

С 1910 по 1950 год производство нефти в мире выросло в 12 раз, тогда как в Российской империи, а затем в Советском Союзе – только в 4 раза. Один из экспертов утверждал в начале 1950-х годов, что поставки нефти – это «ахиллесова пята советской экономики». После того как организованный ЦРУ государственный переворот в Иране в 1953 году отрезал Советский Союз от иранской нефти, его огромная производящая экономика оказалась в крайне затруднительном положении. Однако в 1959 году, примерно через 30 лет после того, как советские ученые предсказали наличие огромных залежей нефти в болотах Западной Сибири, здесь была пробурена первая скважина. В 1961–1969 годах было открыто более полусотни новых месторождений, и СССР из импортера нефти превратился в ее экспортера¹³. Сибирская «нефтяная лихорадка», по случайности совпавшая с арабо-израильской войной 1973 года и неожиданным взлетом мировых цен на нефть, оказалась самым большим подарком советской экономике за всю историю ее существования. Без сибирской нефти СССР мог бы развалиться значительно раньше.

На протяжении 1973–1985 годов экспорт энергоресурсов стал приносить 80 % зарабатываемой Советским Союзом валюты. И это еще не все. Другие страны – экспортеры нефти, которые одновременно были главными потребителями советского оружия, увеличили свои доходы с 23 миллиардов долларов в 1972 году до 140 миллиардов в 1977-м. Многие нефтедобывающие арабские государства резко нарастили свои военные расходы, и это принесло СССР дополнительную прибыль. Что же делать со всеми этими деньгами? Советские руководители использовали их для смягчения последствий нефтяного кризиса, с которыми столкнулись восточно-европейские союзники СССР; для финансирования своей колоссальной военной программы, благодаря которой страна поразительным образом смогла достигнуть примерного военного паритета с США. Деньги шли на войну в Афганистане, начатую в конце 1970-х; на зарплаты и привилегии непрерывно растущей элиты; на приобретение западных технологий производства автомобилей, синтетических волокон, потребительских товаров, а также на покупку кормов для животноводства. Впоследствии жители Советского Союза будут с ностальгией вспоминать брежневскую эпоху с изобилием колбасы по дотируемым ценам в государственных магазинах.

В 1970-е годы нефть, казалось, спасла Советский Союз, но на самом деле она лишь задержала неизбежное. СССР стал крупнейшим в мире производителем нефти и природного газа и третьим – каменного угля, но при этом он испытывал хронический дефицит энергии – положение, которое один из ведущих экспертов метко назвал «кризисом посреди изобилия». Причиной этого было то обстоятельство, что советские заводы и фабрики потребляли энергию в гигантских количествах, поскольку она им ничего не стоила. А затем с 1983 года добыча нефти в Западной Сибири стала падать. Ее объем временно восстановился в 1986 году, после чего падал уже непрерывно. Ситуацию ухудшило и то, что в 1986 году мировая цена на нефть упала на 69 %, до одного из самых низких уровней за послевоенный период. Рухнул и доллар – валюта расчетов на мировом рынке нефти. «В одно мгновение, – писал эксперт, – поток нефтедолларов, которым Советы пользовались годами, иссяк»¹⁴. К тому времени советские руководители, протрезвевшие после долгого нефтяного пиршества, с запозданием задумались об исправлении глубоких структурных пороков социалистической экономики.

Эти пороки были производным от успехов. В 1920-е годы промышленность, транспорт и строительство составляли примерно 20 % советской экономики, а в середине 1980-х – уже

¹³ Hassmann H. Oil in the Soviet Union: History, Geography, Problems. Princeton, 1953. P. 109; Campbell R. W. Trends in the Soviet Oil and Gas Industry. Baltimore; London, 1976.

¹⁴ Gustafson T. Crisis amid Plenty: The Politics of Soviet Energy under Brezhnev and Gorbachev. Princeton, 1989. P. 47.

около 70 %. Ни одна другая страна не имела такого высокого уровня концентрации экономики. Основная часть крупных предприятий была построена в 1930-х годах или восстановлена после Второй мировой войны по спецификациям 1930-х. Советские Шеффилды и Вифлеемы исчислялись тысячами и были еще более отсталыми. Нефтяные сверхприбыли позволили Советскому Союзу избежать разорения, которое выпало на долю обширных (хотя и меньших по размерам) промышленных зон США, Великобритании и Германии. Но вечно так продолжаться не могло. В 1990-х уничтожение социалистического планирования обнажило ставшие еще более серьезными проблемы, связанные с реструктуризацией крупных предприятий. Посткоммунистическая Россия унаследовала и с размахом приватизировала самую большую в мировой истории свалку устаревшего оборудования.

Движимая политическими соображениями, социалистическая экономика оказалась весьма подходящей для строительства огромных промышленных комплексов, но, в отличие от рыночной экономики, совершенно неподготовленной к их реконструкции. То, что когда-то являлось источником мощи и легитимности социализма, превратилось после возвращения России в мировую экономику в огромное энергозатратное и обесценившееся бремя, как будто созданное для того, чтобы его растащили по частям.

В 1990-х доходы от экспорта энергоресурсов по-прежнему продлевали начавшееся в 1973 году нефтяное пиршество элиты. Однако нефтяные (и газовые) деньги уже не тратились на военные нужды или расползающуюся социалистическую империю, а оседали на офшорных банковских счетах и шли на покупку роскошных вилл на испанской и французской Ривьерах. Российский экономический коллапс воплотил в себе запоздалое окончание целой индустриальной эпохи, которое за 20 лет до того было столь заметно в германской долине Рура, на севере Англии и Среднем Западе США, а в России хотя и оказалось немного замаскировано потоками нефтяных прибылей, но произошло в гораздо более крупных размерах.

Но это только первая часть истории. Отсталость промышленности в принципе можно преодолеть, независимо от того, насколько она серьезна. Однако даже после того, как плановая система была упразднена за ненадобностью, Россия оказалась не в состоянии ни реструктурировать свои беспрецедентно огромные залежи индустриального хлама, ни быстро создать новые, динамично развивающиеся отрасли экономики. Произошло это потому, что в стране в 1990-е годы отсутствовали институты, необходимые для функционирования рынка, зато в большом количестве имелись такие, которые ему препятствовали. Стоит напомнить банальную, но полезную истину: рынок – это не столько экономическое, сколько политическое и институциональное явление. Доказательства тому следует искать не в таких странах, как США, где эффективные суды и жизненно важная для рынка система правительственного регулирования воспринимаются как должное или даже критикуются по идеологическим соображениям, а именно в постсоветских государствах, где большинство нужных рынку институтов отсутствовали или не работали. Словом, как показала история постсоветской России, главной (и столь же древней, как советские заводы) проблемой, стоявшей перед СССР, была проблема политическая и институциональная.

Великий поворот XX века

Главная советская проблема имела также геополитическое измерение. Экономика Индии в 1980-е годы была (по совершенно иным причинам) в еще худшем положении. Однако Индия не была втянута в глобальное соперничество с Соединенными Штатами (и с союзниками США – Западной Германией, Францией, Британией, Италией, Канадой и Японией). Более того, в случае с СССР это противостояние было не только экономическим, технологическим и военным, но еще и политическим, культурным и моральным. С момента своего появления Советский Союз претендовал на то, что он олицетворяет великий социалистический эксперимент, более совершенную альтернативу капитализму, пример для всего мира. Если социализм не превосходит капитализм, само его существование лишалось смысла. В период между двумя мировыми войнами, когда Сталин возглавил насильственный крестовый поход по строительству социализма в отдельно взятой стране, капитализм казался многим синонимом мирового империализма, бессмысленной бойни Первой мировой, милитаристской муштры и повальной безработицы времен Великой депрессии. На таком фоне идея некапиталистического мира – со столь же современной техникой да еще и с социальной справедливостью – стала очень привлекательной.

Но фашизм был побежден, и капиталистические диктатуры превратились после войны в демократии. Вместо окончательного экономического краха, предвкушаемого Сталиным и другими коммунистами, капитализм вступил в полосу беспрецедентного бума, превратившего депрессию в дело давно минувших дней и сделавшего массовым явлением владение недвижимостью. Экономический рост в США после стабильных 1950-х в 1960-е достиг феноменальной величины в 52,8 %; но еще важнее было то, что в это время на 39,7 % выросли реальные доходы средней американской семьи. В Японии и Западной Германии, проигравших Вторую мировую, экономическое «чудо» привело к настоящей революции в сфере массового потребления. Новые медиатехнологии, кино и радио, которые воспринимались довоенными диктаторскими режимами как удобное средство пропаганды, оказались великолепным проводником для коммерческой массовой культуры, легко проникавшей через государственные границы. Наконец, все ведущие капиталистические страны вступили в эпоху строительства «государства всеобщего благосостояния» (*welfare state*, этот термин появился еще во время войны), стабилизируя социальный порядок и бросая тем самым социализму вызов на его излюбленной территории. Коротко говоря, на протяжении 1930–1960-х годов и имидж, и реальность капитализма радикально изменились. Доступные «левиттаунские» дома¹⁵, вездесущие супермаркеты, переполненные недорогими потребительскими товарами, увеличенные пособия по болезни и пенсии и все более демократичные общественные институты – такое оружие оказалось эффективнее нацистских танков.

Вдобавок ко всему перечисленному одним из последствий Второй мировой войны была поднимающаяся волна деколонизации, которую СССР пытался использовать в своих интересах, но которая в конце концов еще более уменьшила его влияние. Советский Союз был континентальной империей, но особого рода. В то время как дореволюционная Российская империя была поделена на губернии, созданные по территориальному, а не этническому принципу (за исключением Великого княжества Финляндского и маленьких среднеазиатских «протекторатов» Хивы и Бухары), СССР состоял из 15 национальных республик. Начиная с 1920-х годов Москва сама направляла процесс роста и укрепления национальных институтов и наци-

¹⁵ Левиттаун – город в штате Нью-Йорк, возникший на рубеже 1940–1950-х из типовых домов фирмы Levitt and sons; название, ставшее в США таким же нарицательным для обозначения недорогой типовой жилой застройки, как хрущевки в СССР. – Прим. перев.

онального самосознания в республиках – процесс, стадии которого знали и чистки, и массовые депортации, и русификацию. Все союзные республики быстро развивались экономически, а две из них, Украина и Белоруссия, имели собственное представительство в ООН. СССР гордо противопоставлял это устройство капиталистическим империям типа Британской и Французской. Однако к 1970-м годам, когда почти все заморские территории, некогда контролировавшиеся капиталистическими государствами, получили независимость, сама идея более совершенного типа империи стала анахронизмом.

Кроме того, СССР имел не только «внутреннюю империю», но и то, что Джордж Оруэлл называл «внешней империей». Победа над гитлеровской Германией предоставила Сталину возможность, которой он не мог не воспользоваться: получить обратно некоторые территории, утраченные в 1917–1921 годах, и поглотить большую часть Восточной Европы. Не удовлетворенное политическим и военным контролем, полученным над этим регионом, руководство СССР с 1948 года попыталось создать в восточноевропейских странах режимы по образцу своего собственного. Однако эта советизация происходила уже не во время Великой депрессии и фашистского милитаризма, а в период послевоенного бума и создания в капиталистическом мире «государств всеобщего благосостояния». В этих изменившихся условиях судьба Советского Союза оказалась неразрывно связана с судьбой коммунистического режима в странах-сателлитах. Уже с начала 1950-х годов и особенно после развенчания Хрущевым культа личности в 1956 году и последовавших затем восстаний в Польше и Венгрии озабоченность советских руководителей проблемами Восточной Европы постоянно росла. «Если мы уйдем из Венгрии, – говорил Хрущев своим коллегам за закрытыми дверями, – это подбодрит американцев, англичан и французов – империалистов. Они поймут [это] как нашу слабость и будут наступать»¹⁶. Несмотря на подавление восстаний, Венгрии в конце концов позволили легализовать некоторое количество частных предприятий, а Польше – остановить коллективизацию сельского хозяйства и сохранить видную роль католической церкви. Тем самым был открыт путь различным отступлениям от советской модели социализма.

В 1968 году Москва вновь признала необходимым вторгнуться на территорию страны, считавшейся ее союзником. На этот раз целью вторжения, особенно сильно повредившего международному престижу СССР, было покончить с попытками «реформировать» социализм в Чехословакии. Еще через два года, а затем вновь в 1976-м массовые забастовки охватили Польшу. В 1978-м краковский архиепископ Кароль Войтыла был избран папой, став первым неитальянцем во главе католической церкви с 1523 года. В следующем году при совершении богослужения во время первой его пастырской поездки на родину присутствовало более 10 миллионов поляков. Многие из них плакали от счастья. В 1980 году в среде вдохновленных папой и недовольных ростом цен польских рабочих начались массовые волнения. Забастовщики создали независимый профсоюз в масштабах всей страны и поставили социалистическую систему в Польше на грань краха. Лишь введение в стране военного положения на время спасло режим. Для умиротворения рабочих польское руководство вынуждено было прибегнуть к западным займам, чтобы импортировать в страну товары массового спроса. Подобная зависимость от западного импорта стала типичной для советского блока. Восточная Германия, граничившая с гораздо более богатой Западной Германией, в итоге набрала 26,5 миллиарда долларов внешнего долга, обслуживание которого отнимало 60 % ежегодных доходов от экспорта. Однако партийное руководство не видело другого способа откупиться от своего запер-

¹⁶ Хрущев также заявил: «В Советском Союзе найдутся и такие, которые скажут, что пока у власти был Сталин, все нам подчинялись и не было никаких потрясений, а теперь к власти пришли [эти новые ублюдки] и страна потерпела поражение и потеряла Венгрию» (цит. по: *Kramer M. The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings // Journal of Contemporary History. 1998. Vol. 33. № 2. P. 173, 191, 213*).

того за стеной народа, кроме как наращивать импорт потребительских товаров и тем самым увеличивать зависимость от Запада¹⁷.

Единственной силой, способной удержать Венгрию, Польшу, Восточную Германию и Чехословакию от растущего тяготения к Западу, был Советский Союз. Стоит повторить: приобретение «внешней империи» в Восточной Европе, которое на первый взгляд увеличило советскую мощь, на самом деле сделало СССР крайне уязвимым. Конечно, в конце 1940-х годов, когда социализм советского типа только проник в Восточную Европу, казалось (особенно после победы коммунистов в самой населенной стране мира – Китае), что он на подъеме и вот-вот завоюет весь мир. Мало кто понимал тогда, что огромный сдвиг действительно произошел, но в противоположном направлении – в сторону приближающегося краха социалистической системы. Попросту говоря, социализм был в высшей степени зависим от положения в капиталистических странах, а разница между капитализмом времен Великой депрессии и послевоенным капитализмом была поистине колоссальной. Не менее важно, что США, которые перед войной, в период роста могущества Советского Союза, в основном держались в стороне от европейских и азиатских проблем, теперь решительно взяли на себя роль «лидера свободного мира», объединив под своим руководством для противостояния советской угрозе враждовавшие до того капиталистические державы.

¹⁷ *Maier Ch.S.* Dissolution: The Crisis of Communism and the End of East Germany. Princeton, 1997; *Laba R.* The Roots of Solidarity: A Political Sociology of Poland's Working-Class Democratization. Princeton, 1991; *Malia M.* Poland: The Winter War // New York Review of Books. 1982. 18 March; *Idem.* Poland's Eternal Return // Ibid. 1983. 29 September. См. также: *Poznanski K. Z.* Poland's Protracted Transition: Institutional Change and Economic Growth, 1970–1994. N. Y., 1996. В 1970-х польские экономисты начали задумываться, как социалистическое планирование, подразумевавшее автаркию, сможет работать в том случае, если Польша станет все больше включаться в мировую экономическую систему. См. работу, непреднамеренно оказавшуюся пророческой: *Ostrowski M., Sadowski Z.* Wyzwania rozwojowe. Warsaw, 1978.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.